

сены впоследствии в редакцию, относящуюся к середине XVI в. и послужившую основанием для Костромской редакции конца XVII в. Итак, древнейшая редакция Русского Временника относится к 1533 г.¹ Этот вывод нуждается только в поправке относительно второго из трех слоев памятника, который надо, как увидим сейчас, отнести не „к середине XVI в.“, а к первой половине XVII в.

В котором же, спрашивается, из этих трех слоев памятника могла впервые быть внесена наша Повесть? Две последние его редакции не ограничивались простым продолжением предшествующей, но сверх того всякий раз кое-чем дополняли основной текст свода. Так, последняя редакция, присоединившая в конце ряд погодных записей с 1642 по 1680 год включительно о различных событиях из жизни Костромского Богоявленского монастыря, среди которых есть даже в известии о постройке „житных полат“ (1668 г.) прямое указание на самое летопись („и на тех палатах и летопись написана“), — эта костромская редакция 1680 г. внесла, по крайней мере, одну вставку и в основной текст Временника. Под 1506 годом, вслед за известием (одинаково читающимся в „Русском Временнике“ и в Никоновской летописи — см. ПСРЛ, т. XII, стр. 259) о смерти великого князя Ивана Васильевича, добавлено одно несомненно позднейшее с грубыми ошибками в хронологии — и несомненно костромское известие о сидевших при этом великом князе наместниками на Костроме Иване Кондратьевиче Судиманте и Якове Захарьиче, родоначальнике московских бояр Захарьиных (Русский Временник в изд. 1820 г., ч. 2, стр. 246).

Сохранилась одна явная вставка в основном тексте памятника и от предыдущей (предпоследней) редакции; в главе „о пренесении мощей великих князей“, где опять, в точном сперва согласии с Никоновской (ПСРЛ, т. XIII, стр. 8), дан длинный перечень перенесенных в 1508 г. в Архангельский собор предков великого князя Василия Ивановича, — к общему в обоих сводах имени: „Петр царевич... Абреимов сын царев“, в Русском Временнике добавлено еще 12 позже погребенных там князей и царей, последним среди которых назван „страстотерпец царевич Дмитрий Иванович, московский и всея Русии чудотворец“ (Русский Врем., ч. II, стр. 259). Как отсюда видно, не только самая вставка, но и породившая ее редакция, могли возникнуть, с одной стороны, только после августа 1606 г. (когда был перенесен из Углича в Московский Архангельский собор царевич Дмитрий), а, с другой стороны, никак не позднее 1645 г., когда умер и был похоронен в том же соборе царь Михаил Федорович, в указанной вставке еще не упомянутый.

Ни одна, однако, из этих двух поздних вставок не похожа, с точки зрения приемов редактора, на вставку Повести о Николе Зарайском (под 6745 годом): и вставка о костромских наместниках, и вставка о погребениях в Архангельском соборе просто присоединены к предшествующему более раннему тексту, тогда как Повесть, — мы видели — введена в этот более ранний текст посредством гораздо более сложного с ним слияния (см. выше). При этом Повестью о Николе Зарайском такие сложные дополнения хронографической статьи 6745 г. в „Русском Временнике“ не ограничиваются: посредством сходных редакторских приемов в нее включены еще Повесть о Меркурии Смоленском (ч. I, стр. 135—149) и два отрывка из жития Евфросинии Суздальской (там же, стр. 117—118, 165—168). Одна и та же редакторская рука в каждом из этих добавлений, помимо одинакового их приспособления

¹ А. А. Шахматов, ук. соч., стр. 43.